

Попов И. В. Магистерский диспут: [Наумов Д. Г. Митрополит Филарет (Дроздов) как канонист. М. 1893] // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 1. С. 109–120 (1-я пагин.).

МАГИСТЕРСКІЕ ДИСПУТЫ.

Новый 18⁹³/₄ годъ въ нашей Академіи начался магистерскимъ коллоквиумомъ, состоявшимся 10-го сентября въ присутствіи профессорѣвъ и студентовъ. Въ качествѣ диспутанта выступилъ Дмитрій Григорьевичъ Наумовъ, представившій на соисканіе степени магистра диссертацию „Митрополитъ Филаретъ, какъ канонистъ“. Послѣ молитвы секретаремъ Академіи было прочтено *succiculum vitae* магистранта.

Диспутантъ — Дм. Григ. Наумовъ — сынъ діакона села Покровскаго Ярославской губерніи, Любимскаго уѣзда. Первоначальное образованіе получилъ въ Ярославской духовной Семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1886 году былъ посланъ семинарскимъ начальствомъ на казенный счетъ въ Московскую Академію для продолженія высшаго богословскаго образованія. Здѣсь онъ окончилъ курсъ ученія въ 1890 году со степенію кандидата и правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній. 1891 г. 29 Августа приказомъ г. Оберъ-Прокурора св. Синода былъ опредѣленъ на должность преподавателя греческаго языка въ Бирючевское духовное училище, гдѣ состоитъ и по настоящее время.

Изъ литературныхъ произведній Дмитрія Григорьевича, кромѣ подлежащей защитѣ диссертациі, извѣстны слѣдующія статьи: 1) Теократическія и іерократическія воззрѣнія Владиміра Соловьева и Ѳ. Достоевскаго предъ судомъ каноническаго права Православной церкви и 2) Правда и милость, какъ юридическіе принципы по воззрѣніямъ и практикѣ Московскаго митрополита Филарета. Обѣ статьи напечатаны въ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ любителей

Духовнаго Просвѣщенія“, — первая въ 1891 г., а вторая въ настоящемъ 1893 году.

По прочтеніи этихъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о диспутантѣ, этотъ послѣдній занялъ кафедру и произнесъ рѣчь, въ которой выяснилъ, что онъ не считалъ себя въ правѣ входить въ своей диссертациі въ какія бы то ни было историко-критическія изысканія по поводу каноническихъ воззрѣній м. Филарета. Этому препятствовало съ одной стороны глубокое уваженіе, которымъ онъ проникнутъ къ памяти великаго святителя, съ другой стороны сознаніе, что вѣрную критическую оцѣнку воззрѣній м. Филарета можетъ дать лишь равносильный ему талантъ. Его цѣлью было дать систематическое изложеніе каноническихъ воззрѣній м. Филарета, и онъ добросовѣстно трудился надъ осуществленіемъ этой задачи. Quod potui — feci, faciunt meliora potentes—такими словами заключилъ диспутантъ свою рѣчь. Непосредственно послѣ этого начались пренія.

Первымъ оппонентомъ выступилъ экстра-ординарный профессоръ по кафедрѣ Гомилетики В. Θ. Кипарисовъ. Онъ выставилъ сначала общее положеніе, въ связи съ которымъ стояли его дальнѣйшія возраженія. Основною ошибкою магистранта оппонентъ объявилъ неудобную постановку самаго изслѣдованія, которая съ логическою необходимостію привела его автора къ другимъ менѣе важнымъ промахамъ и недочетамъ. Сущность этой коренной ошибки заключается въ томъ, что авторъ защищаемой диссертациі поставилъ своею цѣлю лишь простую систематизацію каноническихъ воззрѣній митрополита Филарета, отклонивъ отъ себя обязанность и даже право критическаго отношенія къ систематизируемому имъ матеріалу и его сопоставленія съ раннѣйшими трудами ученыхъ изслѣдователей въ области каноническаго права. Вслѣдствіе этого трудъ диспутанта много потерялъ въ своей научной цѣнности. Въ сочиненіи диспутанта настолько мало критическаго элемента, что порою въ него переносятся даже опечатки, встрѣчающіяся въ изданіи филаретовскихъ матеріаловъ архіепископа Саввы. Оппонентъ не призналъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ диспутанта, выраженнымъ имъ въ своей рѣчи, будто критическому отношенію къ воззрѣніямъ знаменитаго московскаго іерарха можетъ мѣшать чувство глубокаго уваженія

къ этому великому уму, который можетъ быть по достоинству оцѣненъ лишь равносильнымъ ему талантомъ. Въ критическомъ отношеніи къ воззрѣніямъ покойнаго святителя нельзя усматривать, по мнѣнію оппонента, неуваженія къ его памяти во первыхъ потому, что критика не всегда есть только порицаніе или пренебрежительная оцѣнка, но также и главнымъ образомъ сопоставленіе извѣстныхъ положеній съ соотвѣтствующими положеніями какъ другихъ ученыхъ канонистовъ, такъ и съ утвержденіями самого автора, высказанными по другимъ поводамъ, но имѣющими отношеніе къ данному положенію. Во вторыхъ, нельзя почитать память великаго святителя усвоеніемъ тѣхъ мнѣній, съ которыми нельзя согласиться. И у отцовъ церкви встрѣчаются мнѣнія, которыхъ мы не раздѣляемъ.

Отсутствіе историко-критическаго отношенія къ матеріалу прежде всего, по мнѣнію оппонента, неудобно отражается на самой систематизации его. Авторъ защищаемой диссертации опускаетъ иногда такія мысли и соображенія митрополита Филарета, которыя имѣютъ несомнѣнное и ближайшее отношеніе къ каноническому праву. Сюда относится вопросъ о церковныхъ наказаніяхъ, опущенный диспутантомъ въ своей диссертации, но пашедшій свое разрѣшеніе въ сочиненіяхъ м. Филарета. Именно, инструкція благочиннымъ разрѣшаетъ священникамъ пользоваться поклонами, какъ средствомъ исправительнаго церковнаго наказанія. Пастырская практика вполне усвоила это разрѣшеніе и пользуется имъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это можно было-бы пожелать. М. Филаретъ отрицательно относился къ этому исправительному средству, считая неудобнымъ сблизать представленіе о чистомъ и свободномъ молитвенномъ порывѣ съ представленіемъ о наказаніи, которое всегда и у всякаго вызываетъ непріятное чувство. Этой мысли м. Филарета нужно бы было дать мѣсто въ диссертации тѣмъ болѣе, что одинъ изъ новѣйшихъ канонистовъ, выставивъ такія же соображенія противъ примѣненія земныхъ поклоновъ въ качествѣ церковнаго наказанія, кичился этимъ, какъ важнымъ и новымъ открытіемъ.

Въ отвѣтъ на это возраженіе диспутантъ объяснилъ, что онъ былъ вынужденъ опустить вопросъ о церковныхъ наказаніяхъ особенностями плана своего сочиненія. Ни въ одинъ

изъ его отдѣловъ онъ не могъ помѣстить этого вопроса, а полной главы, посвященной вопросу о церковномъ наказаніи, не могло получиться, потому что м. Филаретъ мало говоритъ объ этомъ предметѣ.

Вслѣдствіе недостатка критическаго отношенія, продолжалъ оппонентъ, воззрѣнія м. Филарета въ диссертациі диспутанта передаются иногда не точно или не находятъ надлежащаго выясненія, а это можетъ подвергать самого святителя различнаго рода упрекамъ. Напр., диспутантъ въ своей диссертациі утверждаетъ, что м. Филаретъ на основаніи 6-го правила Лаодикійскаго собора допускаетъ участіе католиковъ и протестантовъ въ православномъ богослуженіи, придавая, такимъ образомъ, словамъ Филарета категорическую форму, тогда какъ послѣдній говоритъ лишь то, что въ этомъ правилѣ можно находить основаніе для допущенія инославныхъ христіанъ къ православному богослуженію. Такимъ образомъ, Филаретъ выражается крайне осторожно, въ диссертациі же автора онъ принимаетъ видъ чловѣка, допускающаго слишкомъ поспѣшныя и опрометчивыя сужденія, такъ какъ утвердительному рѣшенію вопроса о допущеніи инославныхъ христіанъ можетъ благоприятствовать лишь русскій переводъ этого правила, а не его греческій текстъ и не толкованія на него древнихъ писателей. Употребленное здѣсь выраженіе *ἐπιμένειν τῇ ἀίρεσει* не значитъ непременно коснѣть, потому что въ этомъ случаѣ пришлось бы пожалѣть и выраженіе *ἐπιμένειν τῇ πίστει* переводить: упорствовать, коснѣть въ вѣрѣ. Другой примѣръ. Филаретъ высказался по поводу отобранія Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей о такого рода конфискаціи, какъ о явленіи, съ капонической точки зрѣнія совершенно законномъ, ссылаясь на то, что Θεодосίη Великій отнялъ у аріанъ одинъ изъ ихъ храмовъ и обратилъ его въ православную церковь, а этотъ поступокъ императора былъ одобренъ тогдашнимъ Константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ Богословомъ. Но читатель, знакомый съ сочиненіями Григорія Богослова, могъ бы упрекнуть Филарета въ томъ, что онъ односторонне пользуется твореніями этого св. отца, потому что Григорій Богословъ въ другихъ случаяхъ ставитъ себѣ въ заслугу именно то обстоятельство, что онъ не употреблялъ насилія противъ аріанъ, хотя имѣлъ

къ тому полную возможность, ибо императоръ все готовъ былъ сдѣлать для пользы и торжества православной церкви. Григорій Богословъ не хотѣлъ пользоваться своимъ вліяніемъ даже вопреки недовольству и порицанію со стороны многихъ православныхъ (Твор. Гр. Бог. I, 211; III, 167, 177; IV, 46). Авторъ диссертации долженъ бы былъ показать, правъ-ли Филаретъ, игнорируя эти слова Григорія Богослова и опираясь на фактъ отобранія аріанскаго храма, случившійся при немъ.

На это диспутантъ отвѣтилъ, что у Григорія Богослова въ сущности нѣтъ противорѣчія. Отобранннй у аріанъ храмъ прежде принадлежалъ православнымъ, потомъ былъ отнятъ у нихъ этими еретиками, такъ что Θεодосій Великій только возвратилъ его прежнимъ владѣльцамъ.

Замѣтивъ диспутанту, что данное имъ совершенно вѣрное примиреніе видимаго противорѣчія, о которомъ идетъ рѣчь, и слѣдовало-бы внести въ диссертацию, оппонентъ присоединилъ къ указаннымъ имъ фактамъ еще одинъ. При отсутствіи критической оцѣнки каноническихъ положеній Филарета, этотъ послѣдній можетъ показаться даже чловѣкомъ мало свѣдущимъ. Напр., онъ высказывается противъ втораго брака причетниковъ, тогда какъ Вальсамонъ вторые браки причетниковъ то признаетъ законными, то отрицаетъ ихъ законность. Если въ диссертации не указано, почему м. Филаретъ исключительно слѣдуетъ одному изъ мнѣній Вальсамона, то читатель легко можетъ прийти къ заключенію, что м. Филаретъ былъ недостаточно знакомъ съ сужденіями Вальсамона по этому вопросу.

Диспутантъ отвѣтилъ, что въ данномъ случаѣ м. Филаретъ правъ, но что онъ (авторъ) въ своей книгѣ не коснулся этого вопроса, чтобы не разбрасываться и не нарушить систематическаго теченія мыслей.

Отсутствіе критической оцѣнки каноническихъ воззрѣній Филарета не удобно, по мнѣнію оппонента, не потому только, что иногда можетъ выставлять самого Филарета въ ложномъ свѣтѣ, но и потому, что и у м. Филарета были мнѣнія, съ которыми нельзя согласиться. Такъ, напр., м. Филаретъ защищалъ право монастырей владѣть крѣпостными крестьянами, находя это право полезнымъ и облегчающимъ монастырямъ трудъ религіозно-нравственнаго воз-

дѣйствія на крестьянъ. Но если допустить право пастырей пользоваться подобными средствами нравственнаго воздѣйствія, то можно зайти слишкомъ далеко. Да и самъ м. Филаретъ повидимому противорѣчитъ себѣ, когда высказывается противъ налога на крестьянъ для обезпеченія духовенства жалованьемъ. „Обезпечить духовенство налогомъ на народъ, говорить м. Филаретъ, значило-бы наложить на народъ мертвое, непріятно ощущаемое иго, а духовенству дать такое право, которое, не бывъ близко связано съ его обязанностями, не побуждало-бы его къ исполненію сей обязанности“. Но, продолжаетъ оппонентъ, нельзя не задаться такимъ вопросомъ: а развѣ владѣніе крестьянами монастырей доставляло для крестьянъ пріятно ощущаемое иго? И развѣ это право было связано съ обязанностями монастырей по отношенію къ народу?

Другой существенный недостатокъ диссертациі, по мнѣнію оппонента, состоитъ въ томъ, что ея авторъ пользовался не всѣми сочиненіями Филарета. Такъ, напр., онъ не изучилъ всѣхъ его писемъ, проповѣдей и другихъ сочиненій. Вслѣдствіе этого диспутантъ опустилъ въ своей книгѣ много весьма важныхъ пунктовъ. Напр., онъ не касается возрѣній Филарета по вопросу о правѣ епископовъ неограниченно и произвольно переводить священниковъ съ одного мѣста на другое, потому что не знакомъ съ отрывкомъ письма м. Филарета, помѣщенномъ въ біографіи Антонія, еп. Смоленскаго, а потомъ архіепископа Казанскаго.

Вслѣдствіе того, что авторъ не изучалъ проповѣдей м. Филарета, въ диссертациі слабо выяснено, какъ смотрѣлъ изучаемый имъ каноинистъ на сущность церковнаго обычая и неизмѣняемость церковныхъ канонѳвъ. Въ проповѣдяхъ Филаретъ сильнѳво выражаетъ ту мысль, что право на существованіе церковный обычай получаетъ не въ силу одной только нравственной пользы, но главнымъ образомъ въ силу ясности и твердости тѣхъ основъ, которыя онъ имѣетъ въ Св. Писаніи и Преданіи. Въ диссертациі эта мысль выражена слабѳе. По той же причинѣ въ диссертациі не выяснено, какимъ критеріемъ пользовался м. Филаретъ для сужденія объ измѣняемости или неизмѣняемости церковныхъ канонѳвъ. Вслѣдствіе этого получается

видимость, будто онъ не всегда оставался въ согласіи съ ними. Онъ высказывается напр. противъ покупки членами причтовъ акцій московско-ярославской ж. д., подводя это подъ 44 апостольское правило и 17 правило I вселенскаго собора, запрещающія ростъ. Но онъ не считаетъ непозволительнымъ приобрѣтеніе духовенствомъ банковыхъ билетовъ, хотя съ точки зрѣнія канонѳвъ послѣднее нужно признать болѣе предосудительнымъ, чѣмъ первое, потому что банковые билеты даютъ свою прибыль съ *роста*, а прибыль, приносимая акціями, основывается единственно на *работѣ дороги*. Это противорѣчіе м. Филарета, по мнѣнію оппонента, магистрантъ долженъ бы былъ разъяснить въ своей книгѣ.

Далѣе оппонентъ высказалъ увѣренность, что авторъ могъ бы уловить критерій, которымъ пользовался м. Филаретъ при сужденіяхъ объ измѣняемости или неизмѣняемости канонѳвъ, если бы былъ знакомъ съ критикою, которую онъ направляетъ противъ мнѣнія преосвящ. Іоанна Смоленскаго о неизмѣнной обязательности апостольскихъ правилъ. Здѣсь вопреки епископу Іоанну Филаретъ говоритъ: „есть преданія неизмѣнныя и есть *подробности и частности преданій*, по требованію обстоятельствъ, подлежащія измѣненію, впрочемъ церковною властію, а не произволомъ“. Какимъ образомъ на основаніи этихъ словъ можно судить объ измѣняемости отдѣльныхъ канонѳвъ, оппонентъ пояснилъ примѣромъ. 44 апостольское правило запрещаетъ членамъ клира отдавать свои деньги въ ростъ, потому что это ведетъ къ утѣсненію бѣднаго и противорѣчить христіанской заповѣди любви къ ближнему. Это—неизмѣняемая часть приведеннаго канона. Но когда деньги стали занимать богатые, то явилась возможность пользоваться процентами, не нарушая заповѣди любви къ ближнему. Отсюда дозволительность приобрѣтенія банковыхъ билетовъ для членѳвъ клира.

На это возраженіе диспутантъ отвѣтилъ, что критерій, которымъ пользовался м. Филаретъ въ сужденіяхъ объ измѣняемости канонѳвъ, у него указанъ, хотя и нѣсколько иной. Прослѣдить же примѣненіе этого критерія въ частностяхъ и подробностяхъ онъ не могъ, потому что это завело бы его слишкомъ далеко.

Наконецъ, оппонентъ указалъ и еще одинъ важный пробѣлъ въ диссертациі магистранта. Не раскрыто въ ней съ надлежащею ясностію и подробностію мнѣніе м. Филарета по вопросу о вѣротерпимости. Въ диссертациі сказано только, что Филаретъ допускалъ снисходительное отношеніе къ сектамъ, не угрожающимъ опасностію общественной нравственности и государству. Но подъ это положеніе можно подвести многія изъ старообрядческихъ сектъ, однако м. Филаретъ не руководствовался по отношенію къ нимъ принципами полной вѣротерпимости.

Кромѣ указанныхъ, магистрантъ давалъ на всѣ возраженія еще бѣглыя и краткіе отвѣты, вполне разъясняющіе сущность дѣла, но невошедшіе въ это описаніе именно вслѣдствіе своей краткости.

Вторымъ возражалъ диспутанту Н. А. Заозерскій, доцентъ по кафедрѣ Каноническаго права.

Ваша небольшая книжка, такъ началъ оппонентъ, обращаясь къ магистранту, представляетъ собою исключительное явленіе среди диссертаций, появившихся въ послѣднее время. Обыкновенно диссертация, написанная на соисканіе степени магистра Богословія, бываетъ книгою очень большою по объему. Съ именемъ магистерской диссертациі мы привыкли уже соединять представленіе объ ученой работѣ, которая требуетъ отъ автора большой затраты силъ не только для систематизаціи, сопоставленія и критической оцѣнки ученаго матеріала, но также и для собиранія этого матеріала. Исслѣдователю приходится быть до нѣкоторой степени чернорабочимъ: самому готовить и очищать тотъ матеріалъ, который долженъ пойти потомъ на постройку зданія. Вы при составленіи своей диссертациі находились въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Вы были въ положеніи архитектора, который имѣтъ для исполненія предварительныхъ работъ чернорабочихъ. И этимъ чернорабочимъ, трудами котораго Вы воспользовались, былъ никто иной, какъ м. Филаретъ. Онъ собралъ огромную массу каноническаго матеріала—Вамъ оставалось воспользоваться имъ и систематизировать его. Вы воспользовались имъ, привели его въ порядокъ и во многихъ случаяхъ выполнили свою работу замѣчательно удачно. При той огромной массѣ сыраго матеріала, которая была у Васъ подъ руками, Вы

могли бы написать огромную книгу, которая далеко оставила бы за собою въ отношеніи объема тѣ диссертациі, о которыхъ я уже упоминалъ. вмѣсто одной фразы Вы могли бы выписывать цѣлое письмо, вмѣсто двухъ-трехъ словъ, Вы могли бы брать нѣсколько періодовъ. Но Вы не злоупотребили этою возможностью. У Васъ положительно есть талантъ, составившій нѣкогда отличительную черту мышленія и стиля Филарета,—талантъ уловить сущность мысли, развиваемой на протяженіи нѣсколькихъ страницъ, и передать ее въ формѣ чрезвычайно сжатой, по точной и выразительной. Вы представили въ полномъ смыслѣ слова экстрактъ возрѣній м. Филарета, какъ канониста. Вообще съ формальной стороны Ваша работа настолько безукоризненна, что самъ м. Филаретъ съ трудомъ могъ бы найти въ ней пробѣлы. Однако я рѣшаюсь принять на себя роль повѣреннаго м. Филарета и попытаюсь указать нѣкоторые формальные недочеты, которыми страдаетъ и Ваша диссертациа.

Далѣе оппонентъ указалъ нѣсколько противорѣчій, встрѣченныхъ имъ въ диссертациі. На стр. 3 магистрантъ говоритъ, что м. Филаретъ былъ канонистъ-практикъ. Это мнѣніе диспутанта пожалуй подтверждается тѣмъ, что отъ изучаемаго имъ автора не осталось кодекса, въ которомъ бы были изложены въ систематическомъ порядкѣ церковныя правила и снабжены комментаріями. Филаретъ не оставилъ ничего подобнаго тому, что оставилъ Вальсамонъ или даже Іоаннъ, еп. Смоленскій, по этому ни одинъ ученый канонистъ не пользуется трудами Филарета. Но если справедливо, что м. Филаретъ былъ практикомъ, тогда неудобно называть его въ заглавіи канонистомъ. Заглавіе нужно было бы формулировать такимъ образомъ, чтобы оно не вызвало съ перваго же раза представленіе о канонистѣ теоретикѣ. Кромѣ того трудно даже понять сочетаніе словъ канонистъ практикъ. Что такое канонистъ практикъ? Это человѣкъ безъ разсужденія исполняющій то, что предписывается канонами церкви. Но м. Филаретъ вовсе не былъ такимъ слѣпымъ исполнителемъ церковныхъ правилъ, который не пытается ихъ осмыслить и опредѣлить объемъ и способъ ихъ примѣненія къ современнымъ условіямъ церковной жизни. М. Филаретъ былъ именно канонистомъ тео-

ретикомъ. Быть теоретикомъ не значить оставить послѣ себя систему каноническаго права, все равно какъ быть философомъ не значить написать непременно философскую систему, общая мысль которой была бы развита во всѣхъ деталяхъ, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Иногда по одному письму можно угадать философскій умъ. Точно также то обстоятельство, что м. Филаретъ не оставилъ послѣ себя системы церковнаго права, ничего еще не говорить противъ того, что онъ былъ теоретикомъ. Затѣмъ оппонентъ предложилъ на основаніи самой диссертациі магистранта доказать, что м. Филаретъ былъ именно канонистомъ теоретикомъ. На 12 стр. авторъ, по Филарету, излагаетъ задачу и методъ науки каноническаго права, планъ системы ея; но что можетъ значить опредѣлять задачу, методъ каноническаго права, подводить частныя постановленія подъ общіе принципы, какъ не разрабатывать теорію каноническаго права? Мало этого, м. Филаретъ былъ теоретикомъ и въ томъ смыслѣ, что раздѣлялъ принятую въ то время въ нѣмецкой наукѣ методологію каноническаго права. Его раздѣленіе каноническаго права на пять частей, терминологія для обозначенія этихъ частей — все это слишкомъ напоминаетъ. *Principia juris canonici G. L. Böhmer. Aufl. 1762, 67, 74, 79, 85, 91, 1802. Gott.*

М. Филаретъ, продолжалъ оппонентъ, былъ теоретикомъ не только тогда, когда онъ преподавалъ каноническое право, но и тогда, когда былъ епископомъ. Ему принадлежитъ проектъ реформы Св. Синода. По его мысли слѣдовало бы усилить значеніе первоприсутствующаго.

Въ отвѣтъ на всѣ высказанныя оппонентомъ замѣчанія, диспутантъ раскрылъ ту мысль, что, называя м. Филарета канонистомъ практикомъ, онъ имѣлъ въ виду указать на ту особенность его каноническихъ трудовъ, что они предпринимались не въ интересахъ чисто теоретическаго изслѣдованія, а вызывались практическими нуждами церковной жизни того времени. Всѣ каноническія воззрѣнія м. Филарета высказаны по поводу практическихъ нуждъ, но не для того, чтобы удовлетворить запросамъ ученыхъ теоретиковъ. Такимъ образомъ диспутантъ готовъ былъ признать себя виновнымъ развѣ только въ неточности выраженія, которое

было понято оппонентомъ въ абсолютномъ, такъ сказать, смыслѣ.

Оппонентъ на это возразилъ, что онъ именно и хочетъ показать, что въ диссертациі иногда нѣтъ строгой точности, и въ доказательство этого привелъ еще одинъ примѣръ. Отдавая должную дань почтенія ученымъ заслугамъ Филарета, признавая, что иногда онъ даетъ толкованія каноновъ, и каноническихъ отношеній, которыя по своему строго церковному духу, сжатости и точности выраженій могутъ стать классическими и занять почетное мѣсто на ряду съ каноническими воззрѣніями оо. церкви, указывая далѣе примѣръ такого классическаго толкованія въ данномъ м. Филаретомъ опредѣленіи отношеній церкви къ государству, профессоръ отказался однако всецѣло согласиться съ характеристикой м. Филарета, заключающейся въ диссертациі диспутанта. Послѣдній утверждаетъ, что характеристическою особенностію каноническихъ воззрѣній м. Филарета служитъ правильность и самостоятельность. Не соглашаясь съ этой характеристикой въ ея категорической формѣ, оппонентъ привелъ одинъ примѣръ, доказывающій, что м. Филаретъ не всегда былъ самостоятельнымъ и не всегда отличался непогрѣшимою правильностію. Напр. 6 пр. Гангрскаго собора запрещаетъ нарушать христіанскій долгъ почтенія къ родителямъ даже подъ предлогомъ благочестія т. е. и въ томъ случаѣ, если родители впали въ ересь. Въ русской книгѣ правилъ, изданной подъ редакціей м. Филарета, этому правилу приданъ обратный смыслъ. Оно истолковано въ смыслѣ дозволенія оставлять родителей на произволъ судьбы въ случаѣ ихъ уклоненія отъ православія. Въ этомъ м. Филаретъ не правъ, но въ этой своей ошибкѣ онъ и не самостоятеленъ. Прибавка въ книгѣ правилъ, измѣняющая смыслъ 6 правила Гангрскаго собора, заимствована м. Филаретомъ у греческихъ толкователей Зонары и Вальсамона. Изъ уваженія къ памяти святителя оппонентъ ограничился только однимъ приведеннымъ примѣромъ.

Диспутантъ отвѣтилъ, что онъ не имѣлъ возможности провѣрить весь тотъ огромный матеріалъ, которымъ онъ располагалъ. Оппонентъ возразилъ, что и помимо провѣрки въ характеристикѣ диспутанта очевидна утрировка. Приписывая исключительную правильность сужденіямъ м. Фила-

рета, магистрантъ тѣмъ самымъ умаляетъ значеніе прочихъ епископовъ, не согласныхъ съ воззрѣніями московскаго архипастыря.

Далѣе оппонентъ, прочитавъ слѣдующія слова м. Филарета (Диссертац. стр. 46): „Духовное начальство... и въ семь дѣлъ челоувѣколюбія обязано осторожно, такъ сказать, прокрадываться мимо строгости 76 Апостольскаго правила“, высказалъ сожалѣніе, что авторъ не воспользовался ими для характеристики м. Филарета. Эта фраза чрезвычайно характеристична. Никто не можетъ перешагнуть за предѣлы своего вѣка. Филаретъ при всѣхъ своихъ талантахъ былъ сыномъ своего времени. А его время было вѣкомъ формальной юстиціи и буквы закона. Нынче адвокатъ критикуетъ самые законы во имя высшихъ принциповъ, тогда необходимо было дѣйствовать на основаніи буквального смысла закона. Тогда были рабами законовъ. Положеніе юристовъ облегчалось только многочисленностію и противорѣчіемъ нашихъ законовъ. Это давало возможность обходить неудобные законы, осторожно „прокрадываясь“ между одними и подбирая благоприятные. Если бы магистрантъ ввелъ эту черту въ свою характеристику, то образъ Филарета пересталъ бы быть какимъ то идеаломъ отвлеченной святости, но получилъ бы болѣе конкретную, осязательную и челоувѣчную форму.

Въ заключеніе оппонентъ повторилъ, что онъ признаетъ въ диспутантѣ рѣшительный талантъ выбирать въ массѣ матеріала самое существенное и излагать его въ формѣ сжатой и точной, талантъ, столь необходимый для юриста, и посоветовалъ ему не зарывать этотъ талантъ въ землю, но продолжать свои работы и именно въ области каноническаго права.

Совѣтъ Академіи призналъ защиту диссертациі удовлетворительною и опредѣлилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи диспутанта въ степени магистра богословія.

14 Сентября, въ день воздвиженія Креста Господня, состоялся второй коллоквиумъ. Обсуждалась диссертациі свещ. П. Я. Свѣтлова „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія“. Предъ началомъ диспута секретарь Академіи по принятому обычаю прочелъ